

Чем больше отдаляет нас время от эпохи борьбы с самодержавием, тем меньше читают В.И. Ленина, тем больше читают Ф. М. Достоевского. Зато первый зачастую считается эталоном бескомпромиссности революционера, второй - отвратительным соглашателем с представителями царских властей. Между тем коэффициент самопожертвования Ф. М. Достоевского в борьбе с царизмом был несравненно выше ленинского. Критерий этого самопожертвования двоякий: с одной стороны, место, которое каждый их них стремился занять в результате слома самодержавия, с другой, - личное мужество, определявшееся характером обвинений, предъявленных властями во время арестов и ссылок.

В частности, приговоренным к повешению за подготовку покушения на Александра III С. Ф. Перовской и А. И. Желябову потребовалось больше мужества и осознанного революционного долга, чем тем, кто, участвуя в движении, подвергался арестам по меньшим поводам.

Под тем же углом зрения следует рассматривать самоотречение Ф. М. Достоевского и В. И. Ленина, бывших в разное время заключенными Алексеевского равелина Петропавловской крепости. Ленин стал его узником в ночь с 20 на 21 декабря 1895 г. Площадь его одиночной камеры со сливным бачком составляла приблизительно 14 кв. м. (идеал современного страсбургского суда). В камере находился стол со стулом, за которым можно было писать. Здесь же стояла кровать.

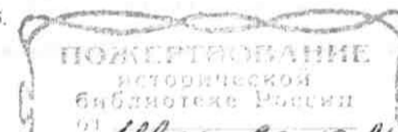
Ограничений общения с родственниками и получения от них денег не было. Мать Ленина, М. А. Бланк, получала пенсию в размере тысячи двухсот рублей в год, что соответствует примерно восьми тысячам восьмистам долларов, если перевести на деньги нашего времени.[1] Для сравнения скажем, ее сын Александр в это время, не бедствуя, проживал в Петербурге на 30 руб. в месяц. 3 раза в неделю мать приносила специально приготовленные для Владимира кушанья, изготовленные по предписаниям врачей. Кроме того, для "несчастного" узника регулярно покупался на воле обед с молоком. Домашний врач мог свободно посещать заключенного. Будущий вождь не пользовался тюремным бельем и арестантской одеждой: в любое время щеголял в своей излюбленной тройке.

Весь день был свободен. Принудительных работ не было. Переписка не ограничивалась. Повседневные бытовые и конспиративные заботы теперь меньше отвлекали от теоретических занятий - в данном случае от работы над монографией "Развитие капитализма в России", благо можно было неограниченно пользоваться книгами питерских библиотек, публиковать статьи в газетах и журналах. Для подобных занятий жизнь в тюрьме создавала идеальные условия, была своеобразным "российским санаторием".[2] Теща отмечала, что Ленин в "тюрьме поправился и был страшно весел".[3]

Еще лучшим "санаторием" явилась ссылка в Сибирь, куда Ленин ехал не с арестантами, а в вагоне первого класса. С собой он вез около сотни книг, чемодан, набитый любимой одеждой и тысячу рублей наличными. Из-за "бедственного состояния здоровья" его поселили в "сибирской Италии" в селе Шушенском. Жил у зажиточного крестьянина. За комнату, питание и стирку платил 8 рублей в месяц. Ежемесячно ему присылали 150 рублей.[4] Ограничений на прогулки с ружьем в лесах не было.

---

[1] См. Пейн Р. Ленин. Жизнь и смерть. М., 2003. С. 62.
[2] Вождь, которого мы не знали. Саратов, 1999. С. 234.
[3] Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1989. С. 25.
[4] Пейн Р. Ленин... С. 121.

В Шушенском Ленин проживал с женой и тещей. Из июньского письма Крупской матери Ильича, написанного в мае 1898 г. мы узнаем, что теперешняя их жизнь напоминает "формальную" дачную жизнь... Ну да кормят нас хорошо, молоком поят вволю, и все мы тут процветаем. Я еще не привыкла к теперешнему здоровому виду Володи".[5] Таким образом, санаторий продолжался и в ссылке. Позднее накануне большого террора Сталин запретил подобные санатории, обязав заключенных трудиться на стройках коммунизма.

Ведя "санаторную жизнь" Ленин, естественно, был против бегства из ссылки, где он по-своему желанию мог общаться с ссыльными и готовить политические документы, предназначенные для руководства единомышленниками. Как известно, после ссылки Ленин уехал за рубеж, где вдали от карающей руки царизма занимался теоретической разработкой основ большевистской политики и ее претворением в жизнь, что не мешало ему вкусно есть и сладко спать.

Что же касается работы "Развитие капитализма в России", то она была опубликована в Москве в количестве 1200 экземпляров. Несмотря на рекламу и публиковавшиеся с этой же целью рецензии тираж расходился крайне медленно. Потребовался почти год, чтобы он так или иначе стал достоянием читателя. Причем много экземпляров осело в так называемых "рабочих библиотеках". Иначе говоря, в условиях рынка книга Ленина "Развитие капитализма в России", подобно современным академическим публикациям, представляла интерес не столько для читателей, сколько для ее автора.

Разумеется, разработка в тюрьме методов борьбы с царизмом требовала определенной настойчивости. Нельзя утверждать, что в другой обстановке Ленин обязательно бы сломался. Объективные факты, которыми мы располагаем, ни подтверждают, ни опровергают этого. Однако уже в эти годы стихийно складываются и проявляются его черты будущего диктатора.

Объявляя себя марксистом, он «на деле же перекраивал и переиначивал Маркса, как ему было угодно для достижения собственных целей»[6], помноженных на непоколебимую уверенность в своем интеллектуальном превосходстве над всеми в разработке форм и методов борьбы против царизма.

Ленинский образ революционера и в начале его общественной деятельности и позднее был далек даже от элементарного подвижничества. Все, что способствовало "бесценной", по его мнению, большевистской работе, имело право на существование. Став во главе громадного государства, население которого миллионами вымирало от голода, он вместе Троцким и Дзержинским обладал правом неограниченно потреблять любые продукты, включая мясо и черную икру. В их распоряжении были личные телохранители. С гонимыми Ленин общался, сажая их, как и в царские времена, в железные клетки. Все они были убеждены в своей исключительности, полагая, говоря словами Салтыкова-Щедрина, что, «тела всех вообще начальников не подчиняются тем же физиологическим законам, как и всякое другое человеческое тело»[7].

В своем поведении Ленин пользовался двойными стандартами: одно дело его образ жизни в семье, другое дело его образ на большевистской публике. Его частная жизнь была наглухо запечатана, что не мешало ему собирать сведения о частной жизни своих единомышленников. Особенно его интересовали вопросы кто с кем, когда, как и т.д. В обстановке публичной нетерпимости религии в его доме висели иконы, горели лампады, регулярно соблюдались религиозные праздники, так как мать Крупской была верующей.

В то время как по настоянию Ленина уничтожалась тлетворная для населения "буржуазная" литература, сам он ее тщательно собирал и хранил, как представляющую политический и научный интерес.

---

[5] Вождь которого мы не знали. Саратов, 1999. С.238.

[6] Пейн Р. Ленин... С. 9.

[7] Салтыков-Щедрин М.Е. Я люблю Россию до боли сердечной. М., 1975. С. 19

Иного порядка революционером был Ф. М. Достоевский, тоже с ранних лет вступивший на стезю борьбы против крепостничества и неограниченной власти царя. Его революционность в течение многих лет подвергалась сомнениям. В коммунистической историографии, например, десятилетиями отмечалось реакционное перерождение Достоевского после каторжных работ и жизни арестантского солдата. "Годы каторги и ссылки, - пишет, например, Б. Рюриков, - были для Достоевского годами перелома. В этот период усилились религиозные тенденции в сознании Достоевского, укрепилась идея смирения перед лицом зла, он перестал верить в революцию. Он стал идеализировать покорность, смирение рассматривал как особенности русского характера".[8] Иначе говоря, по утверждению Б. Рюрикова, после отбытия наказания Ф. М. Достоевский смирился с существованием самодержавия и установленными им порядками. В действительности это поклеп. Вместе с остальными петрашевцами, пережившими инсценировку казни, он до конца жизни оставался стойким революционером.

Петрашевцам вменялись в вину пятничные собрания, проводившиеся в его доме. С весны 1847 г. эти собрания, где обсуждались текущие события, распоряжения правительства, литературные произведения, стал посещать Ф. М. Достоевский. Одновременно в другие дни собирались "небольшие кружки близких по образу мыслей молодых людей, недавно покинувших высшие учебные заведения, сначала с единственной целью сойтись в приятельском доме, поделиться за стаканом чая новостями или слухами, обменяться идеями, поговорить свободно, не опасаясь постороннего нескромного уха и языка".[9] Как известно, подобные "кухонные посиделки" получили вторую жизнь на закате коммунистического деспотизма.

Противоправность таких посиделок была разной. При критическом отношении к системам Фурье и Кабе наиболее социалистически настроенных объединял кружок Дурова. Одним из активных его участников был Ф. М. Достоевский. Здесь обсуждались меры, связанные с уничтожением крепостничества и убийством царя.

Но жандармерия нанесла упреждающий удар. 22 февраля 1848 г. Николай Первый узнал о революции во Франции, отречении короля и провозглашении республики. В связи с этим по его указанию 27 февраля 1848 г. жандармы предприняли превентивные меры против участников пятничных заседаний. Основанием последовавших репрессий послужили показания тайного жандармского агента Антонелли, в течение 13 месяцев следившего за петрашевцами. С 11 марта 1849 г. он посещал все собрания Петрашевского. 22 апреля 1849 г. его участники были арестованы. Начался громкий политический процесс.

Передовая Россия приветствовала революцию во Франции, давшую нам, по словам Ф. М. Достоевского, "науку, образование, цивилизацию европейскую. Такое зрелище - урок! Это, наконец, история, а история - наука будущего".[10] Среди обвиненных он представлял наиболее радикальное крыло, которое в кружке Дурова возглавил Н. А. Спешнев, считавшийся "первым русским коммунистом".[11] Петрашевскому Н. А. Спешнев заявил, "что хочет объявить себя главой партии коммунистов". Он "составил текст особой присяги... требующей от каждого беспрекословного подчинения "центральному комитету", активной подготовки бунта коммунистической пропагандой и, главное, "полного открытого участия в восстании и драке, не щадя себя и вооружившись огнестрельным или холодным оружием. В одной из своих речей Спешнев говорил, что лишенный в России возможности писать, он намерен широко использовать слово "для распространения *социализма, атеизма, терроризма,* всего доброго на свете". После революции, он считал, следует

---

[8] Достоевский Ф. М. в воспоминаниях современников. Т1. М. 1964. С. 20.

[9] Милюков А. П. Федор Михайлович Достоевский.//Там же. С. 181.

[10] Цит по: Гроссман Л. Достоевский. М., 1962. С. 113

[11] Саруханян Е. Достоевский в Петербурге. С. 92.

"национализировать землю и обобществить все народное хозяйство",[12]что на деле подразумевало ликвидацию полностью рыночных связей.

Нетрудно заметить, что установки спешневского союза единомышленников, требовавших беспрекословного подчинения центральному комитету, активной подготовки вооруженного бунта, использования коммунистической пропаганды в целях распространения идей социализма, атеизма, терроризма в не детализированном виде предшествовали установкам большевистского движения.

После разгрома организационные черты союза возродились вновь в 70-х годах. "Та превосходная организация, - неоднократно подчеркивал Ленин, - которая была у революционеров 70-х годов и которая нам всем должна бы была служить образцом, создана вовсе не народовольцами, а *землевольцами*, расколовшимися на чернопередельцев и народовольцев. Таким образом видеть в боевой революционной организации что- либо специфически народовольческое нелепо и исторически и логически, ибо *всякое* революционное направление, если оно только действительно думает о серьезной борьбе, не может обойтись без такой организации".[13]

Во времена Спешнева раскол на чернопередельцев и народовольцев еще не оформился. Руководящий центр планировался создать не за границей, как это позднее делали большевики, а в России. Основной задачей борцов с самодержавием ставилось преобразование России на демократических началах. Наиболее полно указанная задача была сформулирована в запрещенном цензурой письме Белинского к Гоголю, которое Ф. М. Достоевский зачитывал на заседании петрашевцев. "Самые живые современные национальные вопросы в России теперь,- писал Белинский - уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение, по возможности, строгого выполнения хотя бы тех законов, которые есть". Публичное обсуждение по инициативе Ф. М. Достоевского этого письма послужило основанием для его ареста.

В списке арестованных он был помечен "один из важнейших". К следствию по делу петрашевцев было привлечено около 280 чел. с резолюцией царя: "Пусть посадят половину жителей столицы, но пусть отыщут нити заговора".[14] На допросах арестованных постоянно уговаривали раскаяться для облегчения своей участи. Некоторые из них, например, Тимиковский, Григорьев, чтобы выгородить себя подробно рассказывали о том, кто и что говорил. В деле Григорьева, в частности, было записано "показания свои подтверждаю и в оправдание своего могу только сказать, что я поступал безрассудно, по молодости увлечения обществом. Надеюсь на милость государя императора и повергаюсь к стопам его".[15] Для жандармов подобные признания были достаточными, чтобы вербовать выпущенных на свободу по "милости государя" в качестве тайных агентов.

Подобный трюк следственная комиссия пыталась проделать и с Ф. М. Достоевским, но из этого ничего не вышло. Член следственной комиссии А. И. Ростовцев, вторгшийся в свое время в доверие Рылеева, чтобы отправить его на эшафот, уговаривал Ф. М. Достоевского: "Я не могу поверить, что человек написавший "Бедных людей" был заодно с этими порочными людьми! Это невозможно! Вы мало замешаны, и я уполномочен от имени государя объявить вам прощение, если вы захотите рассказать все дело". "Я, - вспоминал Ф. М. Достоевский, - молчал".[16] Он делал все возможное, чтобы в первую очередь не усугубить участь подсудных петрашевцев.

[12] Там же. С. 94.
[13] Ленин В. И. Что делать? Т. 1У. С. 464.
[14] Свеницкий В. Жизнь Достоевского. М., 1911. С. 108.
[15] Дело Петрашевцев. Т. III. М. -Л., 1951. С. 251.
[16] Там же. С. 108.

21 чел. из 23-х подсудимых были приговорены к смертной казни. Среди них был Ф. М. Достоевский. Приговор суда гласил: за чтение копии письма Белинского "лишить чинов, всех прав состояния и подвергнуть смертной казни расстрелением".[17]

Ожидая суда, Ф. М. Достоевский, чтобы обезопасить любимого брата, М. М. Достоевского, ставшего за 200 сребреников негласным сотрудником III- его отделения,[18] отмалчивался в разговорах с ним о том, что ему было известно. Отказался он и от его предложения приобрести гражданскую одежду. Ему претило выделяться из остальных заключенных, одетых в рубища из холста. Вместо нижнего белья им выдавали широкие мешки. Подштанники не полагались. С момента ареста узникам запрещалось мыться в бане, их тела за многие месяцы покрылись "черно-грязной корой вроде шелухи".

Грязная камера кипела тараканами. У стены стояла кровать с тюфяком и подушкой, набитой соломой с одеялом из солдатского сукна. Простыни и наволочки узнику не полагались. На окно ставилась сальная свеча- ночник. Зарешеточное окно выходило во двор со стеклом, почти полностью замазанным мелом. [19] Нетрудно заметить, что в отличие от ленинского комфорта жизнь в Алексеевском равелине Ф. М. Достоевского требовала подлинного самоотречения.

Однако при всей жестокости использовавшиеся тогда методы насилия не шли ни в какое сравнение с жестокостью насилия большевиков, захвативших позднее власть. Все познается в сравнении: казавшиеся немыслимыми во времена Ф. М. Достоевского надругательства над личностью заключенных позднее казались утерянным раем.

Не менее мужественно держались петрашевцы во время разыгранного властями сценария смертной казни. Следуя традициям декабристов, они не просили пощады. "Без сомнения, я не могу свидетельствовать о всех, - говорил Федор Михайлович,-, но думаю не ошибусь, сказав что да, в ту минуту, если не всякий, то по крайней мере большинство из нас, сочло бы за бесчестье отречься от своих убеждений".[20]

В связи с помилованием его заботили проблемы не предстоящего существования, а исполнения творческого долга - возможности писать. После оглашения приговора, писал он из крепости М. М. Достоевскому: "неужели никогда я не возьму пера в руки... да, если нельзя будет писать, я погибну. Лучше 15 лет заключения и перо в руках".[21]

В ночь с 24 на 25 декабря 1849 г. закованные в кандалы Достоевский, Дуров и Ястржембский в сопровождении фельдъегеря и жандарма были отправлены в Тобольск, где их встретили декабристки П. Е. Анненкова с дочерью, Н. Д. Фонвизина и Ж. А. Муравьева. Они "уговорили смотрителя пересыльной тюрьмы устроить на его квартире свидание с ними. Каторжан накормили обедом, снабдили вещами, подарили каждому по экземпляру евангелия (единственная книга, которую разрешалось иметь на каторге); в надрезанные крышки переплетов было вложено по десятирублевой ассигнации ".[22] Для узников, лишенных права иметь деньги, эти гроши представляли большую ценность.

Декабристки сыграли выдающуюся роль в борьбе против крепостничества и самодержавия. Благодаря им Чита, в те годы жалкая деревушка в восемнадцать домов, "стала своеобразным духовным центром Сибири - сюда приходили письма и книги из России, отсюда по городам и весям исходила информация о жизни декабристов".[23]

Зарождавшееся разночинное движение органически слилось с декабристским, став его естественным продолжением. По сравнению с декабристским периодом круг его участников

[17] Там же. С. 110.
[18] См. Гроссман Л. С. 310.
[19] См. Белов С. В. "Меня спасла каторга". Повесть о Достоевском и петрашевцах. СПБ, 2000.
[20] Саруханян Е. Достоевский в Петербурге... С. 114.
[21] Там же. С. 116.
[22] Гроссман Л. Достоевский... С. 163.
[23] Сергеев М. Подвиг любви бескорыстной. М., 1975. С. 28.

резко вырос, но и они продолжали оставаться страшно далекими от безграмотного народа, слепо верившего, что самодержец способен принести им избавление от жизненных тягот.

На каторге Ф. М. Достоевский был зачислен чернорабочим. Закованный в кандалы и меченый бубновым тузом он вертел в мастерской неповоротливое точильное колесо, обжигал кирпичи, разбирал на Иртыше старые казенные бараки, стоя по колена в воде. Работу приходилось выполнять в нестерпимую стужу, когда замерзала ртуть. По свидетельству П. К. Мартьянова "Ф. М. Достоевский имел вид крепкого приземистого коренастого рабочего хорошо выправленного и поставленного военной дисциплиной".[24]

Иметь книги и что-нибудь писать возбранялось. Но если во времена декабристов предписанные строгости неукоснительно выполнялись, то во времена Ф. М. Достоевского эти строгости уже выполнялись спустя рукава. Сознание неизбежного краха крепостничества так или иначе сказывалось на поведении всех, в том числе и тех, кто следил за осужденными. К каторжанам негласно проникали книги, им удавалось вести записи, как это делал, например, Ф. М. Достоевский, оказываясь в лазарете.

Под влиянием каторги и ссылки творчество Ф. М. Достоевского действительно претерпело большие изменения, но не по линии примирения, а по линии отрицания самодержавия. Основными вехами этих изменений были "Записки из мертвого дома"- описание деклассированных каторжников; "Бесы"- несчастья, которые они могут принести, если придут к власти, и, наконец, его речь на торжественном открытии памятника Пушкину в Москве с программой демократических преобразований страны.

Свою книгу "Записки из мертвого дома" Ф. М. Достоевский называл "заметками о погибшем необыкновенном народе". Его он считал "самым даровитым, самым сильным народом из всего народа нашего". Погибая в безудержных плотских наслаждениях, этот народ, как показывал Ф. М. Достоевский, был способен к самоотречению во имя спасения жизни таких же, как они.

Как писал А. С. Суворин, Ф. М. Достоевский "явился как приведение, как выходец из какого-то такого мира, о котором до него никто не говорил... Какие-то изломанные, больные люди, какие-то "бесы", "идиоты", "сладострастники", "преступники", мистики раскрывали свою русскую, удивительно сложную душу, в которой наслоилось вековое рабство, свобода, самопожертвование, отрицание всего существующего, распутство, продажность тела и души и сияющие призраки фантастического будущего".[25]

Важнейшая особенность этих "сияющих призраков фантастического будущего" заключалась в том, что оно увязывалось не с производством, а с потреблением. Систематически трудиться "погибший народ" был не в состоянии.

Каторга предопределила судьбу Ф. М. Достоевского стать величайшим писателем-психологом. "Вспоминая о преступниках, каких ему пришлось видеть в каторжном остроге - пишет А. П. Милюков, - он не относился к ним с брезгливостью и презрением человека, который по образованию стоял неизмеримо выше их, а старался найти какую-нибудь человеческую черту в самом ожесточенном сердце. С другой стороны, он не жаловался никогда ни на свою собственную судьбу, ни на суровость суда и приговора, ни на загубленные годы своей молодости".[26] Жалобы ему были не нужны. Годы каторги дали возможность счастливо творить, подняться до уровня писателя мировой величины.

Наблюдения отверженных позволили ему гениально предсказать возможность прихода их к власти, создав государство, эксплуатирующее большинство населения, лишенное демократических прав. Наиболее полно эти предсказания были сформулированы в романе "Бесы", в основу которого было положено описание восхищавших Ленина похождений С. Г.

---

[24] Мартьянов П. К. Из книги "В переломе века"//Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 237.

[25] Суворин А. С. Тень Достоевского. Рассказ А. С. Суворина. М., 1895. (б.с.)

[26] Милютин А. П. Федор Михайлович Достоевский//Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников Т. 1. М., 1964. С. 200.

Нечаева. "В беседах с Владимиром Бонч-Бруевичем, тогда управделами Совета народных комиссаров, Ленин часто называл Нечаева "титаном революции". Совершенно забывают, - говорил Владимир Ильич, - что Нечаев обладал особым талантом организатора, умением всюду устанавливать особые навыки конспиративной работы, умел свои мысли облачить в такие потрясающие формулировки, которые памятными оставались всю жизнь".[27]

После суда над Нечаевым его установки пытался претворить в жизнь его соратник Ткачев, о деятельности которого Ленин писал: «Подготовленная проповедью Ткачева и осуществленная «посредством устрашающего» и действительно устрашавшего террора попытка захватить власть была величественна»[28]

Иная оценка деятельности С. Н. Нечаева и его последователей неоднократно давалась Марксом и Энгельсом, в верности учению которых постоянно клялся Ленин. По инициативе Маркса Генеральный совет сделал заявление по поводу злоупотребления Нечаевым именем Интернационала: "Нечаев никогда не был ни членом, ни представителем Международного товарищества рабочих. Упомянутый Нечаев злоупотреблял присвоенным им именем Международного Товарищества Рабочих для того, чтобы обманывать людей в России и приносить их в жертву".[29]

В "Воззвании "Гражданская война во Франции и английская пресса" Энгельс писал: "Появившаяся в венской газете (Wanderer) статья негодяя Нечаева о Нечаеве обошла всю немецкую прессу; в ней прославляются его подвиги вместе с подвигами Серебренникова и Эмпидина. Если это повторится, мы выскажемся подробнее об этой почтенной троице. А пока заметим только, что Эмпидин - известный русский шпион".[30]

В августе 1873 г. Маркс вновь вернулся к вопросу о нечаевщине, полагая, что она носит международный характер. "Основатели и представители рабочих организаций Старого и Нового Света, создававшие Общий устав Товарищества Рабочих, - писал он, - упустили из виду, что сама широта его программы позволит деклассированным элементам проникнуть в него и создать внутри тайные организации, усилия которых будут направляться не против буржуазии и существующих правительств, а против самого Интернационала. Так и произошло с Альянсом социалистической демократии (самопровозглашенной С. Г. Нечаевым организации)".[31]

Маркс и Энгельс постоянно подчеркивали, что нечаевская и подобные ей организации возникают на волне политической активности деклассированных масс, и потому враждебны решению задач интернационала, объединявшего трудящихся по найму. Возникавшие противоречия фокусировались на отношении к рынку.

Основная Нечаевская установка сводилась к тому, что работать надо как можно больше, потребляя как можно меньше. Маркс же исходил из прямо противоположного. Изучая рынок, он писал: "В качестве безудержного стремления к всеобщей форме богатства капитал гонит труд за пределы, обусловленные природой потребностей рабочего, и тем самым создает материальные элементы для развития богатой индивидуальности, которая одинаково всестороння и в своем производстве и в своем потреблении".[32] Таким образом, по Марксу, только порожденные рынком социальные потребности в состоянии обеспечить коммунистическое изобилие материальных и культурных благ.

---

[27] Цит: Пейн Р. Ленин жизнь и смерть... С. 31.

[28] Ленин В.И. Что делать? Т. 6, С. 173

[29] Маркс К. Т. 17. Заявление Генерального совета по поводу злоупотребления Нечаевым именем Интернационала. С. 440.

[30] Энгельс Ф. Воззвание "Гражданская война во Франции" и английская пресса (30 июня 1971 г.). Т.17. С. 387.

[31] Маркс К. Альянс социалистической демократии и международное товарищество рабочих. Док5лад и документы, опубликованные по постановлению гаагского конгресса Интернационала. Август 1973. Т. 18. С. 327.

[32] Маркс К. Экономические рукописи 1957-1959 гг. Т. 46. Ч. 1. С. 282.

Там же, где по велению деклассированных масс устраняется рынок, любая мелочь регламентируется распоряжениями верхов. "Какой прекрасный образчик казарменного коммунизма! - пишет по этому поводу Маркс. Все тут есть: общие столовые и общие спальни, оценщики и конторы, регламентирующие воспитание, производство, потребление, словом всю общественную деятельность, и во главе всего в качестве высшего руководителя, безымянный и никому неизвестный "наш комитет". Несомненно, это чистейший антиавторизм".[33] Ленинский строй военного коммунизма был прямым воплощением заветов Н. Г. Нечаева, принесших населению России немыслимые страдания, по сравнению с которыми страдания в условиях царизма казались не столь существенными.

Социальной опорой большевиков была деклассированная деревенская беднота, существовавшая преимущественно за счет продовольственных излишков, изымавшихся подчистую у имущих крестьян. За счет излишков она могла удовлетворять лишь самые примитивные потребности. "Бедняцкая часть деревни, - писал Ю. Ларин, - освобождена была от тяжести продразверстки. Бедняцкая часть деревни при недостатке лошадей и орудий бесплатно пользовалась рабочим скотом и инвентарем более зажиточных крестьян. Бедняцкая часть деревенских хозяйств, не отчуждая ничего от продуктов своего хозяйства (ибо не было избытков - на то она и бедняцкая) все же в порядке снабжения, хоть и немного получала от наркомпрода: мануфактуру, соль и еще кое-что".[34] Как правильно отмечает Л. Крицман, "государственный продуктообмен был не столько обменом между промышленностью и сельским хозяйством, сколько обменом продуктов промышленности на услуги бедноты в деле извлечения продуктов имущих слоев деревни".

Чего не могли добиться большевики, так это заставить бедноту систематически трудиться в создаваемых ими общественных хозяйствах. Трудиться изо дня в день они не могли, руководствуясь лишь нуждами сиюминутного потребления. Заботиться о завтрашнем дне у них не было ни возможности, ни желания. Поэтому все, что поступало в их распоряжение, либо немедленно потреблялось и пропивалось, либо бесхозяйственно расходовалось.

Забирая все без остатка, большевики имели в своем распоряжении меньше зерна, чем Временное правительство, оставлявшее крестьянам часть хлеба для продажи. В 1917 г. Временное правительство заготовило 517 млн. пудов хлеба, в то время как большевики с октября 1917 г. по август 1918 г., несмотря на жесточайшие репрессии, сумели заготовить лишь 30 млн. пудов, посадив городское население на голодный продовольственный паек.[35]

При том продовольственном пайке, который получали рабочие, им постоянно приходилось буквально балансировать на грани между жизнью и голодной смертью. По оценке врачей того времени труд ткача, прядильщика, токаря и т. д. требовал 3400-калорий в день, труд землекопа, кузнеца и т. п. еще больше.[36] Калорийность же получаемого ими продовольственного пайка равнялась всего 1170 калорий, а для членов семьи на половину меньше.

Рабочие отказывались умирать от голода во имя коммунистических призывов. В ответ Ленин объявил им настоящую войну. В сентябре 1918 г. он гневно заявил, что горстки, группы, слои рабочих "упорно держатся традиций (привычек капитализма) и продолжают смотреть на советское государство по-прежнему: дать "ему" работы поменьше и похуже - содрать с него денег побольше. Разве мало таких мерзавцев, хотя бы среди наборщиков советских типографий, сормовских и путиловских рабочих и т. д.?".[37]

Пользуясь мизерностью расходов на продовольствие, большевики целенаправленно снижали зарплату рабочих фабрик и заводов. Во вторых полугодиях в товарных рублях она

[33] Маркс К. Альянс социалистической демократии и международное товарищество рабочих...С. 414.
[34] Ларин Ю. Вопросмы крестьянского хозяйства. М., 1923. С. 13.
[35] См. Ракетов А. Очерк экономического и финансового положения современной России по офиц. данным. Ревель, 1921. С. 35; Революция и народное хозяйство России (1917-1921). Лейпциг, 1922. С. 124.
[36] Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда. М.,1957. С. 215.
[37] Ленин В. И. О характере наших газет. Т. 37. С. 90-91.

равнялась в 1917 г.-13,8, в 1918г - 4,4, в 1919 г. - 0,99, в 1920 г. - 0,51. Заметим, что в 1913 г. среднемесячный реальный заработок текстильщика, который целиком состоял из "товарных рублей", по данным ЦСУ был 17,9 руб., металлиста - 35,9 руб.[38]

В то время как гигантское большинство населения, включая рабочих, существовало на грани между жизнью и голодной смертью, "строившая коммунизм" правящая верхушка, жила припеваючи. "Излишки" изымались ею не только в виде пшеницы и ржи, из которых лишь толика доставалась населению. В1918/19 хозяйственном году разверстка была установлена на хлеб и мясо, в заготовительную кампанию 1919/20 г. на картофель, масло, яйца, скот и домашнюю птицу. На стол рабочих масло, яйца, домашняя птица и т. п., естественно, не попадали. Зато они входили в регулярный рацион управленческого аппарата. Его представители получали реквизированные у населения квартиры и дачи. Их обеспечивали персональным транспортом, которым они бесконтрольно пользовались, лучшей одеждой и обувью, сытными продовольственными пайками, в том числе совнаркомовскими (их получали 10 тыс. ответственных работников), в их распоряжении были закрытые столовые, буфеты и т. д.

Изобилие на одном полюсе, голод, нищета, вымирание на другом могли сосуществовать только в обстановке жесточайшего террора. Чтобы заставить голодных трудиться в течение непомерно длинного рабочего дня, большевики применяли наиболее репрессивное законодательство, которого человечество еще не знало. Так в декабре 1918 г. был введен в действие "Кодекс законов о труде", установив в стране трудовую повинность вместе с ликвидацией свободы предложения труда. Согласно положению СНК о рабочих дисциплинарных судах от 14 ноября 1919 г. "в случае упорного нежелания подчиниться товарищеской дисциплине "виновные" как нетрудовой элемент подлежат увольнению из предприятий с передачей в концентрационный лагерь".[39] Дела о лицах, нарушавших трудовую дисциплину или "саботировавших" хозяйственную жизнь республики, передавались в ЧК. Таких лиц заключали в концентрационные лагеря на срок до 5 лет.[40]

В резолюции IX съезда РКП(б) 1920 г. указывалось: "Ввиду того, что значительная часть рабочих в поисках лучших условий продовольствия, а нередко в целях спекуляции, самовольно покидает предприятия, переезжает с места на место, чем наносит удары по производству", съезд видит одну из насущных задач "в планомерной систематической, настойчивой борьбе с трудовым дезертирством, в частности, путем опубликования штрафных дезертирских списков, создания из дезертиров штрафных рабочих команд и, наконец, заключения их в концентрационный лагерь".[41]

Штрафные рабочие команды, концентрационные лагеря и другие меры подобного порядка большевики считали непременным условием построения коммунистического рая. Не случайно Ленин полностью солидаризировался с Бухариным, утверждавшим, что "пролетарское принуждение во всех формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как не парадоксально это звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи".[42]

Спасаясь от голода и преследований, громадные массы городского населения хлынули в деревню, пополняя ряды деклассированной бедноты. "К 1919 г., - пишет Л. Крицман, - численность промышленных рабочих сократилась на миллион человек, а города потребляющей полосы опустели наполовину, столицы еще больше. Этот отлив из города выявился в деревне в виде возвращения "отсутствующих" в хозяйства, в которые между 1917

[38] Струмилин С. Г. Заработная плата и производительность труда в русской промышленности в 1913-1922. М., 1923. С. 9, 18.
[39] Документы трудового энтузиазма М., 1960. С. 11, 12.
[40] Голинков Л. Д. Крах вражеского подполья. М., 1971. С. 215.
[41] ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть 1 1898-1925. М., 1936. С. 344.
[42] Бухарин Н. Экономика переходного периода. Часть 1. Общая теория трансформационного процесса. М., 1920. С. 146; Ленинский сборник XL. М., 1985. С. 424.

и 1919 гг. вернулось по разным губерниям от 60% всего их числа до 80% и выше".[43] К августу 1920 г. численность населения Петрограда сократилась до уровня 60-х годов XIX века.[44]

Кроме насилия у большевиков не было иных средств воздействия на деклассированную молодежь. Его ведущей формой была мобилизация в армию, откуда та постоянно дезертировала. "По данным высшей военной инспекции, - пишет С. А. Павлюченков, летом 1919 г. насчитывалось около одного миллиона дезертиров и уклонившихся от военного призыва".[45] Проев и пропив все, что им доставалось после осеннего сбора урожая, они начинали грабить ссыпные пункты, куда свозился конфискованный хлеб. Такой грабеж был своеобразной формой аграрного бандитизма, возникшего на почве порожденной большевиками продразверстки. Весной они возвращались домой, чтобы хоть что-то вырастить на своих участках, откуда их вновь призывали в армию.

В течение зимы на них в лесах шла настоящая охота. Хорошо вооруженные отряды чекистов расстреливали пулеметами сотни дезертиров, у которых обычно было лишь несколько берданок и гранат, остальных тысячами принуждали сдаваться с тем, чтобы направить в запасные полки, где их почти не кормили, спать оставляли в продуваемых помещениях на холодном полу, а в качестве обуви нередко выдавали лапти. В казарме их приучали к военной дисциплине, вооружив несколькими винтовками при полном отсутствии патронов.

Если же такие полки направлялись на фронт, то многие из бывших дезертиров, экипировавшись и вооружившись в боях за счет противника, оставались преданно служить. Армия давала возможность усваивать зачатки грамоты, исполнять и отдавать приказы, усваивать революционные лозунги с тем, чтобы вступать в компартию, получая доступ к командным должностям. В итоге многие служившие в Красной армии становились проводниками политики коммунистов.

Наиболее решительными и последовательными борцами против большевистского режима были рабочие фабрик и заводов. Примером для них был Петроград, на долю которого по данным Истпрофа в 1919 г. приходилось 63% зарегистрированных в РСФСР забастовщиков.[46] Как говорил Калинин, выступая на заседании ВЦИК 23 октября 1919 г., "самое контрреволюционное настроение в Советской республике господствует в ее столицах и тех местностях, куда массами бежали столичные рабочие, спасаясь от голода".[47]

Так, 10 марта 1919 г. путиловцы единогласно приняли резолюцию, в которой выдвигались требования передачи всей власти свободно избранным советам, уничтожения чрезвычаек, отмены казней и пыток, свободы слова, печати, собраний, всеобщего вооружения народа и т. п.".[48] Эти требования были не только требованиями рабочих Петрограда, но и требованиями рабочих масс других городов.

Чтобы усмирить протестовавших, на территорию фабрик и заводов вводились подразделения чекистов и курсантов, сформированных прежде всего из латышей и китайцев, которые производили расстрелы и массовые аресты. Подавляя выступления рабочих масс, большевики опирались в основном на аппарат насилия, не имевший связей с протестовавшим населением. Доносительство о его настроениях было прямой обязанностью всех коммунистов. Ленин учил, писал его ближайший соратник Г. С. Гусев, что "каждый

[43] Крицман Л. Героический период великой русской революции (опыт анализа т. н. "военного коммунизма"). М., 1924. С. 215.
[44] Питерские рабочие и "диктатура пролетариата", октябрь 1917-1929. Экономические конфликты и политический протест. СПб., 2000, с. 15.
[45] Павлюченков С. А. Власть и массы. М., 1997. С. 81.
[46] Питерские рабочие и "диктатура пролетариата" ... С. 14.
[47] Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России... С. 147.
[48] Там же. С.148.

член партии должен быть агентом ЧК, т. е. смотреть и доносить. Если мы от чего страдаем, то это не от доносительства, а от недоносительства".[49]

Расстрелы и аресты были не в состоянии погасить волну протестов рабочих фабрик и заводов. Об этом свидетельствует, в частности, циркуляр ВЧК № 5 от 1 июля 1920 г. "О борьбе с антисоветскими партиями". В циркуляре подчеркивалось, что "Изнуренный и малосознательный рабочий и крестьянин, не дождавшись скорого улучшения своего материального положения, начинает высказывать свое недовольство, выражая его в забастовках и восстаниях".[50] Только по официальным данным за этот год в Петроградской, Московской и 16 других губерниях было 146 забастовок.

С прекращением гражданской войны и исчезновением угрозы реставрации царизма поднялась новая волна публичных протестов и восстаний против режима военного коммунизма. Их застрельщиками были рабочие. Известное кронштадское восстание в значительной степени было инициировано также рабочими, с которыми матросы не только постоянно общались в Кронштадте и Питере, но имели жен фабричных работниц.

Рабочие требовали созыва Учредительного собрания, изгнания из советов коммунистов, свободы торговли, отмены привилегированных пайков партхозактива и т. д. На протяжении всех лет военного коммунизма их требования оставались неизменными. В выступления вовлекались армия и флот.

По воспоминаниям Е. Преображенского, Ленин, собрав на X съезде старых большевиков, говорил: "Мое мнение, что у нас только один шанс спасти Советскую власть из ста, и это возможно только тогда, когда мы будем абсолютно едины во взглядах".[51] На подавление восстания были брошены участники съезда и курсанты. Как известно, 18 марта оно было подавлено. Начались аресты и расстрелы. За свои страхи утратить власть Ленин мстил разоруженным морякам. "Когда мятеж был подавлен, матросов- мятежников выстроили на молу в Кронштадте. Была команда рассчитаться на первый-второй. Нечетные сделали шаг вперед и были расстреляны тут же на молу, а четные получили по десять лет".[52]

Требования рабочих выражали глубинные национальные нужды. Они совпадали с требованиями измученного крестьянства. Крестьяне поднимали восстания в Тамбовской, Саратовской, Самарской и других губерниях европейской России, уничтожая с не меньшей, чем у большевиков, жестокостью коммунистов и их приспешников. Но как все крестьянские восстания, они так или иначе были разрозненны. Их участники тяготели к своим деревням и волостям. Это давало возможность большевистским карательным отрядам поочередно подавлять очаги восстания, используя по указанию Ленина, помимо пушек и пулеметов, огнеметы и отравляющие газы. С лица земли сметались деревни вместе со стариками, женщинами и детьми. Тем не менее, строй, лишенный рынка и демократических институтов, несмотря на беспрецедентный разгул кровавого террора, оказался нежизнеспособным.

Подобный строй оказался нежизнеспособным и в других странах, где к власти приходили деклассированные массы. Их место в истории России обычно остается без внимания большинства специалистов. Раньше гипотетическое появление такого строя в России рассматривалось под углом зрения карамазовщины.[53] Теперь признается, что исторически русские радикалы пытались опереться на деклассированные слои. Но при этом остается много недоговоренного. "Почему же большевизм - это карамазовщина? - ставит вопрос В. К. Кантор. Ведь большевизм - это дело. Но дело, направленное против культуры и, самое главное, решаемое силой прихоти в "единый миг".[54]

[49] Яковлев А. Н. Вступление// Куруа С., Верт Н, Панне Ж., Пачковский А., Бартошек К., Марголин Ж. Черная коммунизма книга. Преступления, террор, репрессии. М., 1999. С. 30.
[50] Трудовые конфликты в советской России 1918-1929 гг. М., 1998. С. 151.
[51] Цит. по: Цакунов С. В. В лабиринте доктрины. М., 1994. С. 38.
[52] Шаламов В. Вишера. Антироман. М., 1989. С. 18.
[53] См. Володин А. И., Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Чернышевский или Нечаев. М., 1976.
[54] Кантор В. К. "Карамазовщина" как символ русской стихии//Вопросы философии № 4. 2005. С. С. 111.

По сравнению с исследованиями Ю. Ф. Карякина, Г. Е. Плимака и др. решение проблемы В. К. Кантором несомненно является качественно новой ступенью изучения творчества Ф. М. Достоевского. Вместе с тем его статья страдает недоговоренностью, создает впечатление, будто движение большевиков тождественно движению рабочего класса, с недочетами, обусловленными решать все "силой прихоти в "единый миг". Если так, то это в корне неверно.

Идеологические взгляды тех, кто в середине XIX в. критиковал царизм, причудливо сочетали широкий спектр представлений, начиная от коренившихся в далеком средневековье способов и методов борьбы с крепостничеством и кончая поставленными во главу угла социалистическими программами, отрицавшими капитализм. И то и другое нетрудно обнаружить в мировоззрении Ф. М. Достоевского.

Основным постулатом его мировоззрения было утверждение о том, что жизнь человека определяется не зависящими от него обстоятельствам. "Дело художественных писателей, - пишет Н. Н. Страхов о литературном течении, возглавляемом Ф. М. Достоевским, - полагалось главным образом в том, чтобы наблюдать и рисовать различные типы людей, преимущественно низкие и жалкие, и показывать, как они сложились под влиянием *среды* под влиянием окружающих обстоятельств. На первых порах меня очень удивляло, когда суждения о человеческих свойствах и действиях произносились не с высоты нравственных требований, не по мерилу разумности, благородства, красоты, а с точки зрения неизбежной власти различных влияний и неизбежной податливости человеческой природы. Особенное настроение мыслей Федора Михайловича, стоящее выше этой физиологии, открылось мне ясно только впоследствии".[55]

Указанную "физиологию" следует рассматривать под углом зрения результатов исследования Энгельсом развития социализма от утопии к науке, имея в виду, что его исторический подход отличается от вульгаризированной схемы Ленина, изложенной в работе "Три источника три составные части марксизма".

Родоначальником расхождений, о которых пишет Н. Н. Страхов, в Европе был Жан Кальвин, отвергавший церковные нормы, проповедовавшие "с высоты нравственных требований, мерила разумности, благородства и красоты". Учение Кальвина "о предопределении, - писал Энгельс, - было религиозным выражением того факта, что в мире торговли и конкуренции удача или банкротство зависят не от деятельности и искусства отдельных лиц, а от обстоятельств от него независящих... кальвинизм создал республику в Голландии и сильные республиканские партии в Англии и особенно в Шотландии".[56]

В те годы деклассированные массы представляли в деревне мелкие крестьяне, в городах - ремесленники. Рабочих как таковых еще не было. "Средства труда, - пишет Энгельс, - земля, земледельческие орудия, мастерские, ремесленные инструменты - были средствами отдельных лиц, рассчитанными лишь на единоличное употребление... Но потому -то они, как правило, и принадлежали самому производителю. Сконцентрировать, укрупнить эти раздробленные мелкие средства производства, превратить их в современные могучие рычаги производства - такова как раз и была историческая роль капиталистического способа производства и его носительницы-буржуазии".[57]

Исторически лишь с появлением мануфактуры начался процесс "концентрации, укрупнения мелких средств производства" Он был гигантски ускорен в ходе промышленного переворота, породившего рабочий класса. Только с его появлением начались поиски решения его проблем, получивших название социалистических.

В середине XIX в. Россия находилась в преддверии этих изменений. Мануфактура была повсеместным явлением. Зарождалось фабричное производство, строились железные дороги

[55] Страхов Н. Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском//Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т 1... С. 272.
[56] Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке М., 1952. С. 17.
[57] Там же. С. 58-59.

и т. п. Не число крепостных, а деньги становились мерилом общественного богатства. Стране предстояло в короткий срок пройти те стадии общественного развития, для прохождения которых большинству стран Европы потребовались многие века. Начались поиски решения общественных проблем вне притязаний деклассированных масс, которых Ф. М. Достоевский называл бесами. В написанном им одноименном романе были гениально предсказаны многие бедствия в результате прихода их к власти.

Об этих бедах хорошо сказал Б. Филиппов в "Заметках о Достоевском". "Полное равенство, - пишет он, - может существовать лишь во всеобщем рабстве. И длинноухий Шингалев ("Бесы") глубоко по своему прав: "Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом. Прибавлю, однако ж, что кроме моего разрешения общественной формулы не может быть никакого". Он предлагает, в виде "конечного разрешения вопроса" разделить человечество на две неравные части. Одна десятая получает свободу личности и безграничные права над остальными девятью десятыми. Те же должны потерять личность и обратиться "вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной наивности, вроде как бы первобытного рая, хотя, впрочем, и будут работать".[58] В итоге возникнет коллективизм, "где каждый член общества смотрит за другим и обязан доносом, каждый принадлежит всем, а все каждому. Все рабы и в равенстве равны. В крайнем случае клевета и убийство, а главной равенство".[59]

Примечательно, что подобно Шатову(Иванову) сам Ленин и его последователи становились жертвами пресловутого комитета (сталинского политбюро) как только они вольно либо невольно начинали порывать с канонами приверженцев порядков деклассированных.

Естественно, для Ф. М. Достоевского бесовский правопорядок был неприемлем. Его возникновение в России он отнюдь не считал неизбежным. Всеобщей ликвидации частной собственности на землю и другие средства производства он противопоставлял ее сохранение, сочетая индивидуальное крестьянское землевладение с дворянским. "Уживется ли оно рядом с мужичьим, - ставил он вопрос, - с определенной рабочей силой, но здоровой и твердой, а не на пролетариате и кабаке основанной".[60]

Фактически бесовскому уравнению всех в отношении средств производства и ликвидации товарных связей Ф. М. Достоевский противопоставлял развитие частнособственнических отношений, а вместе с ними и рынка, существование которого служило гарантией возникновения демократических институтов, ибо лишь товарообмен, как указывал еще Маркс, предполагает свободных и равных его участников. Принципы демократии: свобода, равенство и братство были лишь идеологическим выражением обусловленных товарообменом экономических отношений. Там, где их нет, существуют лишь отношения личной зависимости, когда чин почитается за ум. Как не без основания утверждали во времена Ф. М. Достоевского, подданный - всего лишь посох в руках начальствующего.

Важно и то, что Ф. М. Достоевский наметил и способ решения российских проблем. Он указывал, что в стране, где запрещалось учить грамоте крестьян, родовое дворянство единственный тип культурных русских людей (в его время это действительно было так) - носителей заветов мировой цивилизации. Выражая эти мысли, его литературный персонаж заявлял: "Я Версилов, дворянин с двенадцатого столетия", "Не далеко то время, когда дворянином станет весь русский народ".

В своих изданиях Ф. М. Достоевский не мог противопоставлять дворян, добивавшихся демократических преобразований, тем из них, кто отстаивал устои самодержавия. Например, семь Муравьевых были репрессированными декабристами. Но наряду с ними был М. Н.

[58] Филиппов Б. Не мир, но меч. Заметки о Достоевском//Ф.М. Достоевский 1881-100-1981. L., 1981. С. 20-21.
[59] Там же. С. 23.
[60] Шкловский В. За и против... С. 256.

Муравьев - "вешатель". Чтобы не быть арестованным, такое деление дворян обязывало публично солидаризироваться с "вешателями".

Поступать так бывший каторжник, как он сам себя называл, не мог. Ему постоянно приходилось творить под гнетом цензуры и негласным надзором "синих архангелов". Единственным прикрытием от возможных гонений за его убеждения было одобрение его работ такими реакционерами как, например, Катков, заявлявший, что он "цепной пес самодержавия", или К. П. Победоносцев - член государственного совета, отвергавший освобождение крестьян, суд присяжных, новоявленные земские и городские учреждения, светскую школу и т. д. Примечательно, что так же был вынужден поступать и Пушкин. Его цензорами были царь, Николай I, и шеф жандармов Бекендорф. На этом основании наиболее радикальные современники Пушкина зачастую отрицали революционный характер его творчества.

Свои демократические устремления Ф. М. Достоевский был вынужден излагать языком Кавелина и Победоносцева, проклинавших западников и возвеличивавших славянофилов, которых сам Ф. М. Достоевский глубоко ненавидел. По свидетельству Страхова, Ф. М. Достоевский относился к славянофильству "как идеологии аристократизма, фанатического "исступленного" патриотизма... Особенно возмутила Достоевского статья Н. Б. в № 4 "Дня" и редакционное примечание к ней, где говорилось, что "в *общей сложности* личные отношения помещиков к крестьянам были довольно человечны". Достоевский писал по этому поводу: "... до какой же отупелости должен дойти человек, чтобы быть уверенным в *божеской* законности крепостного права. К. С. Аксакова Достоевский сравнивал с баричем "в желтых перчатках и хлыстиком в руке, который удивляется, глядя на чернорабочего, что тот "по восьми пудов не может носить".[61]

Указанное противоречие содержания и формы изложения вызывало ожесточенные споры еще во времена Ф. М. Достоевского. В частности, Е. П. Леткова-Султанова - курсистка Московских женских курсов Герье, пишет по этому поводу следующее: "Стоило кому-то принести номер "Дневника писателя" с речью и ответом критикам" как начинали "с пеной у рта кричать о нем как о политическом враге. Когда кто-то попытался напомнить товарищам о значении Достоевского как великого художника, с его скорбной любовью к человеку и великим состраданием к нему, это вызывало такие резкие споры и пламенные раздоры, что пришлось перевести разговор на страшные переживания Достоевского, на каторгу перестраданную им".[62]

Подобные споры не прекращаются и сегодня. Их долгожительство объясняется действием ряда факторов: во первых, коммунисты не могут забыть описание Достоевским их игрищ в бесовском обличии; во-вторых, его развенчивание бессмысленного и беспощадного бунта деклассированных масс; в-третьих, живучестью ставшего народным предрассудка будто только государственная собственность является подлинно общественной.

Между тем еще в конце XIX в. Маркс и Энгельс обосновано доказывали, что по мер роста акционерных компаний производство "становится общественным", а его частнокапиталистические формы упраздняются.[63] Это дало им основание утверждать, что "вследствие развития самой системы капиталистического производства капиталист вытесняется точно так же, как ткач, работающий на ручном станке".[64] Признаки исчезновения дилеммы капитализма и социализма таким образом наметились еще во второй половине XIX в. Сегодня же с появлением развитого рынка ее исчезновение знаменует окончательную победу нового общественного строя, закономерности, которого человечество в прошлом не знало.

[61] Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. I. С.422-423.
[62] Леткова-Султанова О Ф. М. Достоевским. Из воспоминаний.//Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 2... С. 381.
[63] См. Маркс К. Капитал. Т. 25. Ч. 1. С. 479.
[64] Энгельс Ф. Общественные классы - необходимые и излишние. Т. 19. С. 298- 299.

Необходимость скрывать свои подлинные убеждения отразилась и на воспоминаниях современников, выпячивавших на передний план то явную, то камуфлированную сторону творчества Ф. М. Достоевского. Разумеется, книгобоязнь цензуры во времена царизма была несравненно меньше большевистской, тем не менее, цензурные препоны сказывались на образе Ф. М. Достоевского, порождая множество небылиц.

Одной из них было утверждение о том, что его вера в бога обосновывала необходимость существования православия. В действительности же его религиозные представления с православием не имели ничего общего. Сам он считал себя деистом. "Напомним, - пишет в этой связи Л. Гроссман, - что деистами называли себя Вольтер, Руссо и другие вольнодумцы XVII - XVIII веков, видевшие в этом направлении скрытую форму атеизма: бог признавался лишь как безличная первопричина мира, который в остальном был представлен действию законов природы".[65]

Как известно, деизм возник в Европе в XVI веке. Позднее здесь же в середине XIX века началось возрождение пропаганды идей раннего христианства, которые заимствовал Ф. М. Достоевский. Бедные для него были избранниками божьими, отстаивавшими свое существование, следуя евангельским законам. Что касается попов, то Ф. М. Достоевский, их не любил. "О религии с Достоевским мы мало беседовали, - пишет А. Е. Врангель. Он был скорее набожен, но в церковь ходил редко и попов, особенно сибирских, не любил. Говорил о Христе с восторгом".[66]

Поражало А. Е. Врангеля и та скромность, с которой Ф. М. Достоевский держался в качестве ссыльного в обществе, где некультурное начальство было грубое и заносчивое. "Никогда, - пишет А. П. Врангель, - Федор Михайлович не проявлял ни малейшего заискивания, лести, желания проникнуть в общество, и в то же время был в высшей степени сдержан и скромен".[67] Эта черта не выделяться из окружающих, не привлекать к себе внимания, быть скромным сохранялась у него всю жизнь, что не исключало становиться ему страстным спорщиком, когда приходилось отстаивать свои убеждения.

В быту Ф. М. Достоевский был крайне непритязателен. Обстановка его кабинета была самая заурядная, какая бывает в семьях небогатых людей.[68] "Все почти свои деньги, - пишет С. Д. Яновский, - раздавал тем, кто был хоть сколько беднее его; иногда же и просто так таким, которые были хотя и не беднее его, но умели выманить у него деньги, как у добряка безграничного".[69] Когда надо было выручить попавших в беду знакомых, он свои вещи закладывал в ломбард.

Свободного времени у него практически не было. На досуге он сознательно либо невольно постоянно обдумывал планы и тексты своих работ не только с точки зрения содержания, но и преодоления цензурных препон. Когда садился писать - он работал по ночам - то зачастую многократно переделывал написанное, уничтожая отвергнутые варианты.

Ф. М. Достоевский считал, что назначение русского человека - всемирное, европейское. В этом он видел его историческую миссию. "Стать *настоящим* русским - утверждал он,- стать братом всех людей, всечеловеком... Для *настоящего* русского Европа и удел арийского племени также дороги, как и сама Россия, как удел родной земли... Ко всемирному, всечеловеческому братству сердце русское, быть может из всех наиболее предназначено". То же самое в ином ключе утверждали основоположники марксизма, исходившие из того, что в

[65] Гроссман Л. Достоевский... С. 485.
[66] Врангель А. Е. Из "Воспоминаний о Ф. М. Достоевском в Сибири" //Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников Т 1. С. 254.
[67] Там же. С. 255.
[68] Достоевская А. Г. "Из "воспоминаний". Часть первая. Знакомство с Достоевским , замужество//Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников Т. 2... С. 9.
[69] Яновский С. Д. Воспоминание о Достоевском//Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников Т. 1... С. 160.

процессе перехода к социализму в России возможно использование остатков общинного землевладения и сопутствующих ему первобытно- коммунистических отношений. В этом они видели преимущество России при ее переходе к социализму, который мог начаться раньше, чем в европейских странах.

Призыв Маркса использовать в борьбе с самодержавием остатки общинного землевладения и сопутствующих ему первобытно-коммунистических отношений – призыв 60-х годов. В 70-х он сменился утверждением, что община с ее индивидуальным ведением крестьянского хозяйства – опора восточного деспотизма, существующего в условиях массового разорения крестьянства, порожденного эксплуатацией торгово-ростовщического капитала. Такое разорение Парвус (А.Л. Гельфанд) позднее назвал непролетарским обнищанием.

До сих пор лапидарный анализ Энгельса аграрных отношений в России XIX века остается наиболее верным. Среди позднее написанного - работа Ленина «Аграрный вопрос в России и конец XIX в.». Ее лучшие страницы о связях самодержавия с дворянским землевладением списаны у Энгельса без упоминания его имени. Остальное – несбывшиеся фантазии о возможности «прусского» и «американского» путях развития капитализма русского сельского хозяйства.

Исследуя перспективы развития русской революции, Энгельс писал: «Революцию начнут высшие классы столицы, может быть само правительство, но крестьяне развернут ее дальше и быстро выведут за пределы первого конституционного кризиса. Эта революция будет иметь величайшее значение для всей Европы хотя бы потому, что она одним ударом уничтожит последний все еще не тронутый резерв всей европейской реакции»[70]. Прогноз оказался замечательно верным. Его сходство с наработками Достоевского не вызывает сомнения.

Весьма характерно, что ни для Плеханова с его группой «Освобождение труда», ни для Ленина с его большевистскими последователями были неприемлемы указания Маркса и Энгельса на возраставшую в России политическую активность деклассированных масс. И тот и другой нуждались в пролетарском камуфляже, чтобы с черного входа проникнуть в Интернационал с целью его разрушения и создания новой организации, позднее оформленной в виде III Интернационала.

В связи с этим Плеханов писал: «К какому классу, к какому слою общества принадлежало и принадлежит до сих пор огромное число наших революционеров? К так называемому мыслящему пролетариату»[71]. Это высказывание Плеханова о пролетариях умственного труда Ленин через три года дополнил утверждением о том, что большинство населения нашей страны является пролетариями.

История со временем все расставляет на свои места, доказав, что большевистские клише кроме неслыханных несчастий ничего не принесли. От этих клише давно пора избавить и светлое имя Ф.М. Достоевского, отдававшего жизнь борьбе с самодержавием.

Подписано в печать 14.11.2007 г.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 1. Тираж 100. Заказ № 62.

Отпечатано в типографии «Карпов».
109004. Москва, ул. Б. Коммунистическая, д. 1/5-7.
Тел.: 509-73-40

[70] Энгельс Ф. О социальном вопросе в России. Т. 18. С. 548.
[71] Плеханов Г.В. Наши разногласия. М., 1958, С. 311